Вспомню я пехоту и родную роту…

Дмитрий Мефодиевич Черныш – заслуженный работник высшей школы. Его помнят и любят многие поколения лэтишников. Свой путь в вузе он начинал в пятидесятые годы преподавателем кафедры начертательной геометрии. Параллельно был заместителем декана на ФАВТе, потом возглавлял заочный факультет, вечерний факультет радиоэлектроники.
Сегодня продолжает трудиться в учебно-методическом объединении университета. Но в его рабочем кабинете до сих пор висит карта фронтов Великой Отечественной войны…

- Дмитрий Мефодьевич, как для Вас началась война?

- Воевать я начал 25 июня 1941 года. На тот момент я был неопытным слушателем морских офицерских курсов. Возвращался с побывки на курсы, которые располагались в Либаве (нынешняя Прибалтика). Но до места приписки добраться не удалось.

Либава к тому времени уже была в немецком окружении. Я на поезде доехал до Риги и обратился к старшему морскому начальнику Риги. От него я узнал, что в город шлют запасников, а офицерского состава категорически не хватает. И так как я какое-то время проучился на офицерских курсах, мне поручили командовать ротой запасников. А это 250 человек, дяди лет по 28, 35 и больше. Мне же тогда исполнилось 22 года. На всю роту выдали 150 винтовок, остальные нужно было добывать в бою.

Нам поручили обеспечивать отступление основных сил. Тогда мне повезло в первый раз – справа от нас дислоцировалась рота пограничников, и ими командовал мой земляк, к тому же знакомый. Он уже имел боевой опыт и учил меня воевать, командовать. Вместе дошли до Риги, потом наш отряд перебросили в Таллин.

Во время перехода на Кронштадт было потеряно колоссальное количество людей и кораблей. Финский залив прямо-таки кишел минами. Приходилось их отталкивать, а потом расстреливать. А тут еще и немецкая авиация. Нас спас очень опытный капитан. Он умело лавировал и уходил от бомб. Но тут немцы применили «звездный заход». То есть зашли от солнца и всадили в нас четыре бомбы. Корабль накренился и начал тонуть. Меня зацепило мачтой и потянуло на дно. Перед глазами действительно пронеслись самые яркие моменты жизни. Но выручил случай. Было неглубоко, и корабль встал на дно. Давление вытолкнуло меня наверх. Всплыв, я увидел, что над спрыгнувшими в воду солдатами и матросами кружат немецкие самолеты и расстреливают в упор беспомощных людей. Это было поистине ужасное зрелище. В холодной осенней воде уцелевшие после бомбежки проплавали около шести часов. Потом, когда немцы полетели ужинать, нас подобрали катера и доставили в Кронштадт. Удивительно, но тогда никто не заболел: вот что могут защитные силы организма в минуты крайней опасности.

- Дальше судьба Вас связала с Ленинградом?

- Из моего подразделения осталось человек 25. В Ленинграде нашему отряду особого назначения было поручено ловить «ракетчиков». Эти люди во время бомбежек специальными ракетницами указывали важные для поражения цели: корабли, заводы. Обычно они прятались на кладбищах, в склепах, поймать их было очень трудно. Через какое-то время мы стали стрелять по месту вылета ракеты – они приутихли.

Потом нас перебросили на Ораниенбаумское направление. Началась зима, время голодное. Среди солдат появились перебежчики. То есть, немцы, не прикладывая никаких усилий, получали важные разведданные. Вечером мы по парам залегали в «мертвой зоне» между нашими и их войсками. В первую же ночь поймали четверых перебежчиков. Утром на построении их расстреляли как предателей. Перебежки прекратились, ведь слухи в армии распространяются очень быстро. Позже под Колпино перебежки тоже прекратились, когда в частях узнали, что туда прибыл наш отряд.

- В каких еще операциях Вы участвовали?

- В феврале-марте 1942 года резко осложнилась ситуация на Невском пятачке, стратегическом для прорыва блокады участке фронта. Из-за продолжительного ледохода туда никак не удавалось доставить подкрепление, припасы и вооружение. На это задание из нашего отряда послали только добровольцев. Вместе с нами в нем участвовали «сухопутные» пехотинцы. Они боялись воды, многие не умели плавать и говорили нам, морякам: «Ребята, вы нас из воды вытащите, а уж когда окопаемся, мы в обиду себя не дадим!»

На намеченный участок высадились успешно. Пунктуальные немцы в то время как раз обедали, и нам удалось захватить их врасплох. Бой длился всего час. Освободили территорию в пять километров и заняли круговую оборону. Должно было подойти подкрепление, но наши части не смогли прорваться. А мы оказались практически в западне. Кольцо постепенно сжималось, нас прижали к самой воде. В какой-то момент прорвались несколько катеров – долгожданное подкрепление. Вот только раненых не удавалось переправить с пятачка. Тогда стали их привязывать к доскам и бревнам, течение само несло их к родным берегам.

Через день меня тоже ранило. Медсестра вытащила меня с поля боя. Отлежавшись в окопе, я решился плыть к нашим. Держался только на руках, ведь ноги не слушались. Тот плацдарм оставался нашим до самого конца блокады. И он выполнил свое предназначение – отвлек силы немцев от Невского пятачка.

- А что было после?

- Потом я долго пролежал в госпитале. В конце концов, меня признали «ограниченно годным» к строевой службе и направили в ленинградский тыл военно-морского флота для того, чтобы обеспечивать воинские части фронта продовольствием и боеприпасами.

В самом конце войны я попал на завод, производивший электрооборудование для подводных лодок. Временами руководил работой сразу нескольких цехов. В 1949 г. стал секретарем парткома завода. В 1950-м возникло «Ленинградское дело», начались аресты, беспочвенные обвинения. Мне как секретарю парткома часто приказывали: «Завтра будет собрание. Вы должны выступить и сказать, что-то о врагах народа». Я не выдержал и ушел с партийной работы. В 1951 году меня направили в ЛЭТИ, где я и работаю уже 54 года.

Беседовала Дарья ГЛУЩЕНКО

БЛОКАДА

Они помогали нам выжить…

Ленинградцы-блокадники, умирающие от голода, гибнущие от артобстрелов и бомбежек… и в то же время работающие театры музкомедии, миниатюр, эстрады – казалось бы, нонсенс! Но в городе через громкоговорители звучала 7-я симфония Шостаковича, гремели жгучие слова Джамбула: «Ленинградцы, дети мои!», «Артиллерийская поэма»: «…ничто не может нас вышибить из седла…», выступления Веры Инбер – все это помогало нам выжить в жестокие дни блокады.

Театры, находящиеся в Куйбышевском районе, выделяли билеты для Куйбышевского райкома партии, где инструктором работала моя мать. Иногда пригласительные билеты перепадали и мне. Так в декабре 1942 года я попал в театр музкомедии на «Раскинулось море широко». Главные роли исполняли З. Колесникова и М. Кедров, танцевала солистка балета Э. Пельцер.

В зале было холодно, и все сидели в одежде, в шапках с опущенными «ушами». От артистов шел пар. Пельцер к сцене подходила в ватнике, раздевалась, и после двухминутного танца ее тут же, почти на сцене, одевали в теплые одежды.

Во время представления была объявлена воздушная тревога. Где-то рядом упала бомба. Погас свет, который появился минут через 10. А в зале все – и военные, и гражданские – оставались на своих местах, ожидая окончания спектакля.

В следующий раз мне достались билеты в театр миниатюр на Аркадия Райкина. Однако от артобстрела пострадало театральное освещение, и выступление А. Райкина было перенесено в Дом искусств на 11 часов вечера. Мне это было ближе, поскольку мы жили рядом – на Невском, 96.

В этот день А. Райкин давал уже пятый концерт для общественности района. В начале концерта он выглядел усталым, но затем, очевидно, под влиянием восторженных зрителей, вошел в роль, и концерт продолжался до 3 часов ночи.

Больше мне побывать на блокадных представлениях не удалось, но память о них осталась на всю жизнь. Думаю, что не мне одному, а сотням, может быть, тысячам ленинградцев они придавали сил в самое жестокое блокадное время. Они помогали нам выжить.

Е.А. Чернявский, ветеран войны

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

В. Смолов
заслуженный профессор ЛЭТИ, доброволец В.О. В.

Дом патриотов

В конце Каменноостровского проспекта стоит дом № 67, одной стороной выходящий на улицу Академика Г.О. Графтио. В годы Советской власти, когда проспект носил имя Красных Зорь, затем С.М. Кирова, основная площадь дома использовалась под студенческое общежитие ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), в ряде квартир жили преподаватели и сотрудники.

В условиях общежития задачу подготовки высококвалифицированных специалистов помогали решать постоянная молодость студенческого коллектива, непрерывное общение в процессе обучения, высокая степень взаимной помощи и дружбы, уважение к труду. В этих условиях формировались неординарные личности, патриотизм которых особенно ярко проявился в годы Великой Отечественной войны.

Мне посчастливилось за длительное время работы в институте и проживания в общежитии на Кировском, 67 знать, общаться и учиться со многими из них. Поэтому считаю своим долгом поделиться воспоминаниями в канун праздника 60-летия Победы.

В первые военные месяцы почти все мужчины, предвоенные жильцы дома № 67, стали защитниками Родины, причем более 200 ушли добровольцами в Ленинградское народное ополчение (ЛАНО), части МПВО, партизанские бригады и отряды строителей оборонных сооружений.

В числе первых добровольцев были уже известные специалисты-радиотехники: **В. Сифоров**, **С. Дробов** и **А. Животовский**, участник гражданской войны. Их направили преподавателями военно-учебных заведений, всю войну они готовили офицерские кадры для фронта и военных НИИ.

После победы **В. Сифоров** стал членом-корреспондентом АН СССР, директором радиотехнического НИИ, лауреатом Государственной премии, **С. Дробов** – генерал-лейтенантом, заместителем начальника Военной академии им. Можайского, заслуженным деятелем науки и техники РФ, **А. Животовский** - доктором технических наук, профессором ЛЭТИ.

Видными военными специалистами стали добровольцы ЛАНО, комсомольцы - активисты: секретарь Петроградского райкома ВЛКСМ **Г. Шатунов**, прошедший фронтовой путь от комиссара до генерал-лейтенанта, зам. председателя ДОСААФ СССР; секретарь комитета ВЛКСМ института **С. Тюшкевич**, ставший генерал-майором, заслуженным деятелем науки РФ, заместителем начальника института Военной истории Советской Армии, лауреатом Государственной премии, и студенты-старшекурсники **О. Лемтюжников** и **Г. Мамышев**, фронтовые дороги которых дважды прерывались для учебы в военных академиях.

После победы они генерал-майорами до конца жизни командовали крупными научно-техническими подразделениями НИИ.

Хорошие друзья – сталинский стипендиат **И. Омельченко** и радист-коротковолновик **В. Горбунов** участвовали добровольцами лыжного батальона в финскую войну, после завершения которой вернулись в институт, но затем их судьбы разошлись.

И. Омельченко, награжденный орденом Красного Знамени, решил стать военным инженером, перевелся в Военно-воздушную академию, окончил ускоренные курсы и всю Отечественную войну воевал в эскадрилье легких бомбардировщиков. После победы кавалер шести боевых орденов окончил академию, успешно руководил разработкой новых видов оружия в НИИ Минобороны, удостоен звания Героя Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

В. Горбунов стал известным энергетиком, строил Асуанскую ГЭС, руководил электроснабжением Уфы.

На факультете приборостроения и спецтелемеханики все мужчины одной учебной группы специальности «Счетно-решающие приборы управления стрельбой» (всего 10 студентов) стали добровольцами 3-й Гвардейской дивизии ЛАНО, одновременно были отозваны с фронта в артиллерийское училище, офицерами-зенитчиками прошли всю войну. Вернувшись в институт, учились во «фронтовой» 33-й группе, получили дипломы с «отличием». Стали известными создателями специализированных вычислительно-управляющих систем. Среди них – жильцы дома № 67 лауреаты Ленинской премии **В. Маслевский**, **Р. Петреник**, **А. Белодубровский**, дважды лауреат Государственной премии **М. Петушков**.

Добровольцы-защитники Ленинграда: солдат-пехотинец **Г. Сипайлов** стал профессором, заслуженным деятелем науки и техники России, а сандружинница **Е. Шульженко** – кандидатом наук, профессором; оба - заведовали кафедрами в Томском политехническом институте.

Известными учеными, внесшими весомый вклад в отечественную электрофизику, были послевоенные жильцы общежития доктора технических наук профессора **В. Рудаков** и **Д. Яськов**.

Участник Великой Отечественной войны выпускник института 1941 г. инженер **В. Петров**, командуя ротой проводной связи, отличился на трех переправах через большие реки - Неву, Вуоксу и Одер. За храбрость и инженерную находчивость, обеспечившие надежную связь и малые потери личного состава, награждён четырьмя боевыми орденами и удостоен звания Героя Советского Союза. Организатор и руководитель Краснодарского техникума связи, которому было присвоено его имя.

Окончание на стр. 4.